

ПРИДНЕСТРОВЬЕ: МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Андрей БЕЛОЗЁРОВ
г. Бендеры,
Приднестровье, Молдова

ИСКУССТВО КИНО

Рассказ

— Оружие?.. Наркотики?.. Алкоголь — перевозим?.. — в купе прокуренного поезда на границе вошел таможенник, завесу дымную гоня от себя брезгливо.

— А то! Как полагается, служивый: автоматы Калашникова, складные укороченные «АКС-74У» — по одному на брата, гранаты «РГД-5» и «Ф-1», дымовые шашки — без счета, ракетницы сигнальные, ножи и топоры... — отвечивал один за всех господин, запахнутый во что-то изысканное. — Вагоном же прицепным — скотовозка сороковых годов для эвакуации беженцев; на платформе открытой — остовы сожженные БТР и БМП, — всё для правды кадра из цеха оформительского «Мосфильма»!

— Ха-ха-ха!.. — отозвались на слова патрона коллеги, взявшиеся демонстрировать по случаю, что у кого наличествовало, — в основном, конечно, алкоголь элитный. Но делали они это скорее друг для друга, чтобы продолжить веселье прерванное, недоумевая притворно и приторно, куда ж это «кокс» запропастился, только что ведь был тут...

Ощерившись в улыбке и взяв под козырек, таможенник ретировался.

Съемочная группа с режиссером маститым во главе нагрянула в город на Днестре — в Бендеры, войной опаленные, — выдать на-гора нечто фестивальное. Фильм игровой про сепаратизм — это модно.

Горожане к миссии киношников отнеслись с пониманием: кто в сценах массовых готов был явить себя, кто дом или участок для съемок предоставить, кто транспортом подсобить. Кроме выгоды был и стимул моральный: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

Режиссер-креативщик нервно втолковывал оператору про «наезд» на кладку стены Комитета рабочих, испещренную рытвинами небутафорскими от пуль и осколков. Оборачивался на актеров, которые ждали часа своего под сенью акаций цветущих в креслах-шезлонгах, покуривая и кофе попивая без счета, выискивал исполнителя главного, одетого, как и партнеры «боевые», в заляпанную кетчупом и присыпанную мелом рванину.

У Мастера, однако, многое не связывалось в понимании. Потому и прибыл он сюда: разобраться на месте; а мог бы отснять метр полный в павильонах «Мосфильма», да и планов раздолбайских за МКАДом хоть отбавляй.

Казалось, и сценарист потрудился в архивах, и аналоги подобных катаклизмов социальных уже имелись, но что-то в картину цельную не складывалось. Можно было бы выехать на колорите отношений: между командирами, ополченцами и казаками; между армией конституционной и обывателями (по сути, расстреливались граждане безоружные бывшего СССР, в то время как армия российская, дислоцированная в черте городской, отгородилась заборами бетонными, а ее разведка хваленая не предупредила население); наконец, между станами враждующими, что вели себя по отношению друг к другу с жестокостью неоправданной. Можно было бы... Если б не участливые и взыскательные горожане, блюдущие киношников на манер отряда заградительного.

— Ты должен, паря, черпануть то, что осталось между строк! — вводил в роль режиссер героя, фокусирующего с трудом внимание вслед за ноченькой бурной: воздух — мёд, вино — рекой, девки — жаркие!..

— По сценарию, — отвечал исполнитель, — я вхожу в раж после первого мной убитого. Начинаю крушить все подряд. Рэмбо... Ход обычный, ничего особенного... — хватался он за «калаш», как профи прожженный.

— Нет, это не так, — возражал режиссер, посматривая на кольцо страждущее аманатов режима за флажками.

— Накануне войны в церкви два врага стояли рядом, и оба припадали к кресту и к руке батюшки. Вера скрепляла их, а не разделяла...

Актер кивал машинально: молодых и злых не впервой изображать ему... Оставив задавку звездного, режиссер приблизился к войны очевидцам: истина рождается в диалоге.

— Так что же у вас тут произошло?

Но ответа вразумительного от толпы стоголовой получить сразу ему не удалось. Тогда он дозволил слово молвить старому-престарому старику.

— Жарил нас Кишинев на сковородке адской! Палили во всё движимое и недвижимое. А вы в граде столичном и в ус не дули!

Старика перебила женщина средних лет, почти на крик срываясь:

— Поутру всё тихо было в ту пятницу роковую — в День начала. Дети гоняли мяч во дворе... И сын мой пулю снайперскую получил. Который год к койке прикованный! Тыщу комиссий прошли, а к инвалидам войны не причисляют. Самострел, говорят, оружия-то кругом у нас море... А война официально разразилась в 17.30 по Москве...

Тут загудели и другие:

— Волонтеры военные вошли в дом, приказали надеть тулуп и ушанку — в жару сорокаградусную! — и бегать в кукурузе под прицелом... «Охота на вепрей» называлось...

— Дядя-режиссер, глядите: часы убитого... еще идут...

— Такое и представить трудно, товарищ режиссер. Не только русские пострадали в войну, — вешал мужик чернявый с акцентом. — Без ран полицейский на глазах сослуживцев умирал смертью мучительной: вздувались руки и ноги. Очередью автоматной он прошил сродника, за анклав воюющего. Исполнялось пророчество библейское: кровь убитого отравляла и его. Не защитили и повязки белые на каске и рукаве: так у гибнущих

прощение испрашивалось, индульгенция за грех смертный!.. Здесь не просто сражались за идеалы — бились с братьями...

— Пять тысяч убитых с обеих сторон. Факт терроризма на уровне государства! Требую дознания!!! — сморчок с плакатом: «НЕТ ГУ-ЛАГУ!»

Тут на смену опять голос женский; женщина пожилая, в косынке темной:

— А мой сын ополченцем был. Убит на третий день войны, но и сейчас живет... Хотите убедиться? Ступайте в мастерские судоремонтные на закате!

Со всех сторон сыпались свидетельства ужасов в подтверждение войны. И ни намек на раскрытие причины. А еще люди ждали возможности ставку заработать в сцене массовой: расстрел автоколонны у стен крепости, исход беженцев по мосту через Днестр, панихида в память погибших у исполкома... Но съемки батальные на сегодня не планировались.

Режиссера интриговали артефакты. Ведь сам сюжет игровой можно было и впрямь снять в условиях студийных, не заморачиваясь натурой.

С оператором на ленте этой он общался как никогда плотно. Тот «кланялся» с камерой переносной, пыхтя и кляня животик пивной свой, каждому «розану» на асфальте от разрыва — мог различить, где сработала мина, где граната. Знал оператор наперечет и руины, к которым еще не приспела рука реконструктора-застройщика. Вбирал и вбирал объективом холодным эпохи росчерки, письма брани: там разберут!

А Мастер композиции и дискурса все пытался постичь: зачем сплавленному в горниле веков народу потребовалось разделяться? Ибо по прошествии времени яснее ясного обнаруживаются тенденции к слиянию — взять тот же Евросоюз, прочие блоки, политические и экономические...

Православные убивали друг друга и, возможно, еще будут убивать. Народ, как и прежде, — тело без разума, которое калечит

себя? Что должно «стрелять» в фильме: частность лихая адептов сепаратизма или национализма? Или образцы подвига человеческого и справедливости?

Во время съемки сцены ключевой недовольный реакцией героя в момент убийства врага режиссер закричал в мегафон исполнителю:

— Нет, не верю! Гнев в тебе спит, паря!.. Бей его, иначе он — тебя... Дубль!..

И тут на ор маэстро послышался голос из толпы за ограждением:

— Хочешь убить молдаванина? А кто приедет к тебе в Москву чинить унитаза? Плитку мостить? Улицу мести... — Это был тот мужик чернявый с акцентом, рассказавший о полицейском.

Его поддержала женщина, у которой сын стал калекой:

— Ни медицины, ни сострадания к людям... Изгоями брошены тут. Была б республика единая, доктора б нашлись, поставили бы чадо мое на ноги!

Толпа загудела, завелась:

— Да, были времена. Поезда в Кишинев или в Одессу снуют: туда и сюда — кто на учебу, кто на работу, кто в театры, в цирк, в зоопарк...

— Теперича сами как в зоопарке: с пачпортами страны несуществующей.

— Кордонами обложены, таможенными, цены — втридорога по сравнению с тем же Кишиневом и Одессой. Комендантский час на десять лет растянулся!

— А до войны планировался чуть ли не мегалополис: Кишинев—Одесса... Сообщение скоростное... Опоры линии высоковольтной уж выставили...

Старик припомнил:

— В эпоху царскую конки часов за шесть до Одессы могли домчать. А сейчас на границе люди парятся столько же!..

— Приднестровцы вместе с молдаванами скитаются по России, ищачат за копейки. Поедешь на стройку, а тебя там и сбросят с крыши перед зарплатой!

— Во-во, ГУЛАГ — на витке новом!.. Не забудем, не простим!..

— Гражданин режиссер! — вмешался милиционер рослый. — Разрешите навести порядок. Никто не будет мешать процессу съёмочному.

— Нет-нет, — отозвался Мастер. — Все очень кстати. И вы — присоединяйтесь, и вам слово дадим...

— Начальник!.. — гаркнул из толпы усач в шляпе-афганке. — У нас есть ребята толковые. И казаки, и пожарные проявили себя образцово. Стрелять обучат актеров али продублируют. — Он усмехнулся: — Реальных героев хоть отбавляй, чего фордыбачиться с педиками столичными!..

— А мой сын в ополчении был. Убит на день третий войны, но и сейчас живет всех живых. Хотите убедиться? Ступайте в мастерские к реке... — как заклинание твердила прямо женщина в косынке газовой.

— Это наша блаженная городская, — пояснили режиссеру доброхоты.

— Ее сына убили из гранатомета. Ничегошеньки от него не осталось, вот она и свихнулась! — вставил тучный мужчина вида чиновного.

— Сам ты свихнулся, черт гундосый! — прикрикнул кто-то с места. — Нина Федорова у нас святая...

Оператор все это снимал — по знаку режиссера, хотя режиссер ни в одном из фильмов не допускал документальность, был опаслив к отсебятине актерской, способной порушить конструкцию логическую сюжета.

Съемка продолжалась, но теперь казалось, что не только режиссер — вся труппа учитывала голос массы, подчинялась невольно не прописанному в сценарии. Один из следующих виражей запечатлел «отрыв» актера — а точнее, прорыв в сферы переживания (после поучений-то народных). В сцене, когда герой пластается по асфальту, вспоротому от мин, в обнимку с жертвой своей, а казаки пытаются раззять их, бьют прикладами по костяшкам пальцев, дабы ослабить хватку, — звучит

реплика предводителя казаков: «Врага в цель располосовал. Радуйся!» — и всё, герой должен был угомониться. Но он словно с цепи срывается, *не по сюжету*: «Эхма, казаче! Мы всегда правые! И потому бей их, мочи, иначе они — нас!.. Мы — в конфликте с принципом, из-за которого тут и льется кровь!..»

Команды «Стоп!» не последовало; артистесаул не нашел иного, как потащить шашку из ножен и процедить с прищуром в камеру, *не по сюжету*: «Всегда правые — да! Политика наша стоит на этом!» — «Политика?! Которая и в век физики квантовой заставляет убивать!» — ударом искусным герой выбил клинок из рук псевдотоварища и потряс его за грудки.

Съемка была остановлена командой «Снято!». Воспарение внесценарное возымело эффект. Так, исполнитель роли попа, именитый признанный, в сериалах бесчисленных засветившийся, позволяющий себе вольности многие: и пройтись с утраца по хересам, и в любви весьма неразборчивый к полам, — на время порвал с увлечениями. Предложил режиссеру повенчать протагониста на вдове «им убиенного». Тот переадресовал его с заявкой к сценаристу. Сценарист умудренный не возражал, считав контекст: народам продолжать и в будущем жить вместе на земле этой.

Уединившись в гостинице на берегу Днестра и куря беспрерывно, режиссер просматривал материалы отснятые. Усилил бледные, как метки карандаша, голоса в кадре, которые будут переозвучены. Не беда, что монтаж рваный, стилистика клиповая. Точность композиции — пока главное. Итак, череда коллизий сюжетных: в толпе прихожан герой и «враг» его. Крестный ход; хоругви поручают нести именно им... Солнце садится и восходит над землей благодатной приднестровской... Молдаване и русские вместе пьют вино, крестят детей, поют и танцуют... Солнце заходит и встает.

И вот — мордобой; камера фиксирует

оплеухи и ссадины, плевки и упреки взаимные: «Братья-молдаване, очистим землю нашу от нелюдей, кроющих ее!», «Братья-славяне, отстоим почву под ногами!». «Будет война!» — обреченно заключает в объятия жену свою «враг»; жена вытягивает из рук ребятенка спящего зверушку плюшевую... Колонна бронетехники катит по автотрассе среди полей и холмов виноградных; скапливается на подступах к городу... Кадры войны. Все бегут: и русские, и молдаване, — на секунды опережая снаряды рвущиеся... Под гусеницами танка — зверушка плюшевая... Солнце, а затем луна — сквозь марево багряное...

Поединок. Та сцена, что и обозначила перелом в сюжете, будучи не прописанной в сценарии... Планы боев. За мост. За гор-исполком. Герой. И каждый раз он убивает одного и того же — напарника по ходу крестному!..

Выключил флешбэк. До финала — еще треть добрая игровых и общих планов... Режиссер ходит по номеру, дыму — не продохнуть, его гложет мысль: нет у фильма метафоры — веской и доказательной. Ведь фильм — это не только цепь событий драматических, это послание поколениям, а иначе — боевик, мастерски сработанный. И у него — все же боевик... Но торкает где-то в мозгу — сшибка форматов и жанров... Драма военная, кино документальное и видео любительское — в одном... Это было бы нечто... эпохальное!.. И название надо сменить; от нынешнего веет чем-то тривиальным, с патетикой избитой — «Фортпост». Безлико.

Режиссер вознамерился разыскать Нину Федоровну, «святую местную»: не давали ему покоя слова ее о сыне, который *живет всех живых*. Но прежде нужно было побывать там, куда она зазывала настойчиво. С оператором Мастер отправился к Днестру, в ту часть кварталов, где тоже шли бои.

Улочки предвечерние города многострадального, насчитывающего в истории своей ни много ни мало — шестьсот лет... Режиссер

надвинул на глаза бейсболку, чтобы меньше его узнавали. Сам всматривался алчно в лица горожан. Люди, вкусившие запах пороха и крови, думал он, являются носителями знания. Пускай причины войны, следствия исторические и политические остаются для них тайной за печатями семью, но пережившие ее — кто в подвале, кто на передовой, кто в качестве беженца — знали то, что он, режиссер маститый, силился познать лишь методами искусства кино.

Вышли к парапету набережной. Солнце садилось. Тишина, покой, отдохновение. Спустились к реке, по тропинке двинули вдоль воды кромки.

И вот уже показались развалины мастерских судовых. Место, окутанное легендами. Вокруг — былье в рост человеческий (в климате местном бурьян и зимой не усыхает) и удилища-деревца, натканные столь же бурно, — декларация убогости нарочитой и разора хозяйства речного.

Оператор снимает камерой переносной: гильзы под ногами, часть лебедки якорной, ковши для добычи песка со дна реки, лодки борт, солнца закат...

Анфилада помещений производственных, пронизанных лучистостью, что из расщелин струится. Иные клетки темны и черны, иные — освещены, в зависимости от разрушения. Стены в следах от пуль и осколков.

— Странно! — воскликнул Мастер. И эхо отозвалось: «но-но-но...» — Почему Нина Федоровна зазывала нас сюда?

Так и шли они — в помыслах о «святой» — от одной ячеи полуразваленной, где дыбились верстаки, ящики для инструментов, станины голые, к другой, где кровь на стенах и отметины щербленные от пуль.

— В каморах этих народу полегло не меньше, чем в других узлах обороны, — заметил режиссер. — Краеведы докладывали, что здесь нечто потустороннее происходит. Всякое там сияние и звуки... Жители бегут места сего. А блаженная... Тут есть загадка какая-то!..

— Нам ее уж не разгадать. Фильм готов... «Пора домой», — выдохнул и про себя оператор, надеясь на завершение променада: — чего уж там с планом дежурным иль переходящим (дарами сподручными на дармовщину), фильм и так вопиет, на документ смахивает; ну что, скажите, «выжмешь» из видов с кровью натуральной? Эх, проще колер вогнать в водоэмульсионку...

— Кто знает... — задумчиво произнес Мастер, бредя вперед и вперед.

Коллега семенил за патроном, беря вопиющее с ракурсов: смятый «Листок боевой», лозунгом подвигающий на разрыв народа, телефон оплавленный, умывальник с красном расплюснутым, сейф разбитый, сапог посеченный, пластмассовый орел с крылом обломанным... А вот живые пернатые летят стороной, и четвероногие не облюбуют тут ночлег, не говоря уж о структуре коммерческой, что задействует территорию... Никому ничего от зоны табуированной не нужно. Только духам голодным войны ворваться с ветром, облобызать крови ляпы и сукровицу, играющую бликами в плоскостях опаленных, понукать гильзы, чтобы не ржавели на боку, и прокурлыкать песнь дивную: к тем, кто отдал себя Молоху...

Они добрались до помещения углового. Пол бетонный был тут выметен. Проемы оконные с выгоревшими рам остовами давали в это время освещение, о котором киношники могли только мечтать: не нужно софитов и завес дымных... Режиссер и оператор смотрели оторопело на стену, где в лучах мягких солнца оживало *нечто*... И оно питалось солнцем закатным и цветами, выставленными у стены, словно у подножия памятника, в горшках с землей и в банках с водой. И цветы были живыми; и свет вечерний — живым! И нельзя было оторвать взгляда от стены этой и от этого *нечто*. Но чудо длилось недолго: светило меняло градус склонения над горизонтом, лучи ползли выше, стена меркла.

— Вот почему Нина Федоровна зазывала нас сюда к закату... Абрис убитого выстрелом

из гранатомета выведен на стене...

— Есть аналогии, — заговорил возбужденно оператор. — К примеру, отпечаток ящера доисторического на песчанике спекшемся... Или — реликвия христианская: плащаница, хранящая Христа Лик... Или — на срезе скалы «снимок» мамонта, явленный при обстоятельствах неизвестных. Камень запечатлел мгновение. И здесь...

— Я было подумал, что это напыление какое-то... — произнес режиссер. — Нет... При свете закатном видно отчетливо — это будто Ангел взметнувшийся... Руки — крылья, и переломленный торс...

— Цветы свежие, — заметил оператор. — И в горшках политы...

— Я думаю, сюда не только Нина Федоровна наведывается.

И тут они оба замерли: в помещение вошел старик с букетиком цветов полевых, знакомец из толпы, что оцепляла площадку съемочную:

— Я ведь когда-то работал здесь... — молвил он. — Здесь на стене — подобие иконы... И свечение... В отсеке этом хранили и плавил серебро техническое для нужд корабельных. Элемент светочувствительный. Разрыв снаряда сработал как фотовспышка... Вот и вошел сынок Нины Федоровны в вечность... — Старик поклонился стене и ушел походкой тихой.

— Метафора! — воскликнул остервенело режиссер. — Надо снять все здесь в свете самом естественном... Разрушенные цеха и стена святая... И тут на стене — тоже *он*, тот, кого герой наш убивает. Апофеоз: вой скорбный пластающегося по абрису «врага», что уж по ту сторону... горшок разбитый с геранью... демон поверженный!..

Оператор кивал.

— И еще: снимем прямо тут сцену массовую! — неистовствовал Мастер. — Кольцо живое горожан, кто горю войны сострада-телен, — всех сюда! Покаяние ополченца требует подтверждения в лицах!.. А название фильма: «Живее живых»!.. Тривиально, из-

бито? На витке новом рефлексия войны — это сейчас нам всем архинеобходимо!

Оператор задумчиво огляделся, словно искал и еще что-либо примечательное, что мог бы ухватить объектив его, потом спросил:

— И зачем нужна была эта война?

— А на вопрос этот, батенька, мы никогда с тобой не ответим. Мы же сюда кино приехали снимать! — усмехнулся режиссер.

ПУТЬ АЛЕСЯ

Рассказ

Мысль о том, что кабину его трактора пронзит пуля, шальная или прицельная, вот на этом перекрестке или на следующем, доставляла ему какое-то удовольствие. Вернее, он испытывал знобкий, леденящий душу страх и одновременно удовольствие от этого страха.

Не то чтобы Алесь накликал на себя смерть, нет, он просто свыкся с ее присутствием. Он просто делал свое дело, и ему не мешал страх оказаться под огнем.

С самого начала войны Алесь знал, что он будет делать. Ведь и трактор его с кузовом впереди по изволению начальства «Спецзеленстрой», где Алесь работал с первой графы в трудовой книжке, разрешено было содержать при домовладении. Соседи привыкли, что спозаранку из ворот его дома выплывает ладьей дребезжащей трактор, за рулем сидит Алесь в черной робе, а ввечеру он обратно вырывает из тесного переулка. Алесь даже на обед не приезжал, предпочитая столовку; некому было его приветить: у пятидесятилетнего труженика не было ни детей, ни жены, ни любовницы...

Вот и сейчас никто не дергал его за рукав, не останавливал, строго покрикивая или умоляя слезно: «Куда ты поехал, окаянный? Пусть другие ездят! Хоть режь — не пушу!»

Так голосила бы толстуха докучливая — жена соседа Геннадия, зрителя автоматов игровых. Да только Геннадий не завелся бы с пол-оборота (как его рулетки и бандиты однорукие), не напросился бы к Алесю в ком-

паньоны, не говоря уж о том, чтобы организовать «мероприятие» на своем «жигуленке» с прицепом — хотя бы в радиусе трех-четырех кварталов. Кишка тонка; только и мог хорошиться «подвигами» армейскими из чехословацкого далека — чемодан с переводками девиц саблезубых привез двадцать пять лет назад. Вот с этим желтым ящиком «оккупационным» и сгорел в автомобиле. Просидев несколько ночей в погребке вместе с супругой вразумительной и отпрысками-близнецами — студентами Одесского политеха, рванули чуть свет в украинском направлении. Не повезло. Из гранатомета и долбанули по ним вояки — то ли в раж вошли, то ли опасались упустить кого. Нельзя было доверять даже получасовому затишью — все просматривалось зорко как с одной, так и с другой стороны. Если тебя оставили в живых — в зигзагах самоуверенных по выходу из укрытия, то потому, что ты кому-то там успел приглянуться. В тебя поверили — ты еще нужен земле, которая и сама безвозвратно разделилась в себе...

Но Алесь хранила не только судьба, но и, как ни странно, враждующие стороны. Они будто выдали ему билет в будущее, каждый раз слыша тарахтящие звуки его колымаги в затихших кварталах и суеверно провожая ее за поворот. Оставляли его в живых, потому что промысел его был на руку и тем, и этим...

По оттискам рельефным номеров Алесь опознал соседский «жигуль». При въезде на эстакаду через пути железнодорожные обнаружился остов машины с колесами прогоревшими. Рассыпающиеся от прикосновения чурбаны угольные, можно и догадаться, — домочадцы Геннадия, а он — рулевой. Зубы, почему-то не почерневшие, были у него, словно у зайца, заострены. «В Одессу! В Одессу!» — улавливал Алесь интонации, которыми управлял себя Геннадий. Еще когда летела, звеня секунду-другую, стрела тротиловая, пущенная из корпуса на перекрестке, из которого и сейчас, в момент сиесты огневой,

доносятся пальба и хохот сатанинский, — этот «звон в ушах» Геннадий идентифицировал: что-то восхитительное, как в фонограмме автомата игрового — в апофеозе фарты! Покинуть в лихой скачок город осажденный — неизвестно кто — атакующие или защитники — запустили «муху» — вот поистине вызов. Джекпот! Проигрался в прах. И жена, и дети — в прах!.. Отсеченные ветви... Алесь перенес останки в кузов, уже полнехонький, подправил багром, чтоб не валились, сел в кабину, отжал сцепление, и — за прочими в радиусе видимости установленной застройки... Еще можно и кого навалить сверх меры, как хворост в период обрезки сезонной...

Соляжкой он был обеспечен. Воля случая. Несколько бочек горючего начальник разрешил хранить рядом с трактором, зная, что Алесь не падок на левые заказы — доставить клиенту на дачу мебель или урожай на рынок... К Алесю, признаться, вообще никто и ни за чем не жаловал...

Может быть, потому, что был он отрешенным, молчаливым и нелюдимым. Как монах или трудоголик. Пить он не пил, а то бы давно утонул в бутылке. И ходил в черной спецовке круглый год, даже отправляясь в магазин за продуктами; и в кинотеатр раз в месяц — тоже в черном. Без претензий. Будто знал, что рано или поздно случится в его жизни что-то важное, самое важное, что и откроет его душу...

Алесь никого не винил в приднестровской войне. Чтобы обвинять, нужно было встать в строй. Будучи наполовину белорусом, а на другую — украинским молдаванином, как и большинство населения региона, где исторически сложилась такая мешанина кровей, он понимал одно: над этой бойней стоят силы сверхчеловеческие, им виднее, как управляться на земле.

За день Алесь пересекал на своем тракторе враждующие блокпосты раз по десять. В первые дни он увозил больше трупов, чем потом, через несколько недель. Нынче под шальные пули попадали лишь редкие ша-

туны или слишком любопытные. Воюющие стороны не удосуживались подбирать своих мертвых, а вот Алесь, не имея на то никаких директив, руководствовался совестью: кто как не работник «Спецзеленстроя», ответственный по цеховой принадлежности за чистоту города, возьмется за уборку последствий военного времени — мертвецов, которые тоже ждуг — сучат кулачишками, клацают челюстями: не оставляйте нас как есть, в раскоряку, кого — у исполкома на площади, кого — под крошевом стеклянным в универмаге, а кого — в павильоне искореженном остановки автобусной, по маршруту уж и не поймешь чьей армии. Несколько сотен невинных горожан полегло в эти дни и столько же военных с двух сторон — они требуют, вопиют, потрясая своды небесные, заклиная звезды и луны...

Алесь в первые часы первого боя был оглушен в огороде снарядом, выпущенным из системы «Алазань» — земля умягчила буйство разрыва; асфальт усугубил бы последствия — повезло. Перемогая боль в голове, он кинулся в сарай, чтобы укрыть досками бочки с горючим, там и упал возле бочек, провел в бессознательном состоянии неизвестно сколько времени, разглядывая в оцепенении звездном тех, кому не повезло, их призрачные лики... И он протягивал к ним руки мозолистые...

Когда же открыл глаза, то оказался возле своего трактора, который не имел никаких повреждений, лишь несколько маленьких вмятин на кабине. Будто по команде, Алесь взялся за дело — поехал к эпицентру событий — это звездное небо диктует мотивы и волю. В нас и через нас!

Занималось утро. Светлело. В Алесья стреляли. Но небо звездное охраняло неотлучно даже в час, когда солнце поднималось к зениту. Он не боялся! Под пулями загрузил трактор, особо не церемонясь с теми, кто ждет одного — быть погребенными. Кряжистой своей фигуркой (в черном) напоминал тролля сказочного или мужичка-с-ноготок,

наделенного силой, из фольклора молдавского. Ехал, притормаживая, чтобы подобрать свалившегося неумеху с «горба» груза. Это была какая-то манифестация с его стороны, почти вызов! По обезлюдевшему городу, местами лежащему в руинах и пожарищах, в утренний час сразу после прекращения огня, тарахтящая, дымящая сизыми выхлопами «ладья» Алесь везла мертвых людей с одного берега на другой. Из одного царства — в другое... Мужчины, женщины и дети навалены валом, как хворост, сплетясь телами; и смотрят: с борта экипажа во все румбы, во все глаза — с Мертвого Света в мертвые свои глаза!.. Алесь собирал жатву, посредством которой и происходят сдвиги тектонические в обществе. Лишь тогда устанавливается нечто в социуме, когда за это заплачено — жизнями представителей этого социума.

И рейсов таких он сделал немало.

Документы у него не спрашивали — все было и так понятно.

«Проезжай, не останавливайся! Быстрей, быстрей!» — кричали гвардейцы на посту и казаки, махая руками и пряча взор от возницы, готового, как укор людям с оружием, встать на досмотр. «Репеде, репед!» — и молдавские волонтеры у огневых точек, метрах в двухстах от приднестровских по ходу движения колымаги, закрывали лица, поскольку были так же суеверны и боялись накликать на себя беду.

Однажды Алесь транспортировал семью. Жертвами минометного обстрела стали отец, мать и дочь. Родни, видать, у них не было, а если и была, то поди найди ее, чтобы подобрать после налета и похоронили честь по чести. Алесь поднял в тракторную тележку отца и мать, а с дочкой вышла заминка. Она была не тяжела, но у Алесья залило слезами глаза, когда он увидел, разглядел при свете солнца не совсем сомкнутые синие глаза ребенка. А когда он укладывал девочку возле отца и матери, то как будто — показалось, конечно! — услышал от нее тихое: «Спасибо!»

Алесь почувствовал укор, что не мог по-

зволить себе уважительного отношения к мертвым: валил и впрямь, как хворост, как вредные в эпидемиологическом отношении элементы. Последующие жертвы укладывались в ряды, что как-никак сохраняло их достоинство; он усердствовал раза в три больше обычного, поправляя чью-то выбивающуюся руку или ногу. Старался для благочинности и по православному обычаю скрестить в меру возможности (окоченение брало свое) ладони на груди, подвязывал и челюсть, пылью забитую.

Ту же семью не забывал. Пока вез, уловил разговор (как ему показалось), который затеяли эти трое. Не понимая, он запоминал.

— ...Мамочка, из-за этой войны я не успела разобрать, кто я — русская или молдаванка?

— Без разницы, — отвечал за мать глава семейства. — Мама у тебя молдаванка, я — русский. Как хочешь, так и определяй!..

— Интернационалист выискался! — собиралась во мнении мать. — Хм! Нет хуже слыть манкуртом!.. Мне жаль, что нашу Лолу я так и не обучила языку. А ведь война, по сути, из-за этого и началась — никто не хотел овладевать предметом!

— Очевидно, предки, вы оба правы. Только зачем война? Здесь, где мы оказались — в Мертвом Свете, — привычного языка нет, а вот там, где еще будут вестись дебаты, разгораться страсти, — язык играет значение... Почему же они его не преодолевают по всей земле?.. Чтобы это понять, необходимо умереть?

— Быть членом общества, обладать памятью и волей — значит, быть в языке! — была строга в смерти мать. — Язык и определяет личность в исторической перспективе... Без языка мы ничто!

— Но ведь у мертвых свой язык. Он почетнее и понятнее, чем язык национальностей. Наш язык — даже для деревьев и птиц...

— Иначе говоря, — молвил отец со впечатанной в лицо оправой роговой, — языком всё начинается и языком заканчивается на

грешной земле. Мы преодолели язык, стало быть, преодолели и жизнь; вырвались в сверхжизнь, обретя сверхязык... Мы станем лучами Логоса, разлитыми во Вселенной. Скоро узрим... А конфликты межнациональные, базовым двигателем которых являются споры о языке, — для того, чтобы кинуть хвост в костер смыслов... Жертвоприношение — великая наука!

— Мы полетим, полетим... — воскликнула девочка, словно сбывались ее мечты. — Боже, как это славно: полетим к звездам!..

С этого момента Алесь по-особому замолчал, хотя и был немногословен. Эпохальное стихий преломление по касательной ласкали его чутье глубинное. Вылазка ли танковая приднестровцев на мост через Днестр, битва за исполком, опрокидывание войск конституционных к окраинным микрорайонам — все это вызывало в зрителе воль мировых усмешку, готовую сорваться в храп благодостный — слов земных преодоление. Контактывал с Царством Мертвых, там свои законы. Соискателям нужно переправляться через Реку Времени. Алесь вызвался в перевозчики.

Через несколько суток кровавых столкновений Алесь уже не свозил мертвых на кладбище в уготованные им общие могилы. По распоряжению горсовета, возобновившего функционирование после вынужденной «анемии», руководство железной дороги выделило холодильные секции. Это было требование здравого смысла: все равно трупы будут выкапывать из захоронений для опознания, так что лучше поместить их пока в холодильные камеры.

Алесь работал по-прежнему, у него даже маршрут не изменился — каждый день он ехал через поделенный город, через оба поста.

Но и ближе к финалу войны, когда противники уже самостоятельно контролировали вопрос с выбывшими из строя, Алесь все равно продолжал совершать свои ходки, посещая обе части поделенного города.

Выезжая на окраину, где город был хорошо виден с вершины, Алесь глушил мотор, смотрел с холма виноградного в долину, на пульсирующие в дымке заводские корпуса и дома городских жителей. Кое-где тянулись шлейфы пожарищ после ночных обстрелов или же огневые всполохи. На своей территории казаки выкуривали снайперов; на молдавской — колонны с гуманитарной помощью выли сиреной, призывая обывателей на бесплатную раздачу провианта.

Алесь испытывал даже дискомфорт от невозможности быть столь же полезным, как в первые дни войны. Постигая направление поиска, бороздил лоб сетью морщин, задыхался от нехватки — нет, не воздуха, а... бессловесных форм знания. Тёр виски, ерошил волосы, словно электризовал мозг, вызывал ток в чувствах и мыслях. Наконец и предвосхищаемое — более сильный импульс интонационный, складывающийся в фонемы, даже во фразу «я — здесь!» — и Алесь на полном ходу устремлялся к месту. Под рухнувшей оградой заводского корпуса или поблизости от свежей воронки он находил убитых и перевозил их в холодильные камеры. Ежели встречались подающие признаки жизни, Алесь ощущал одновременно и радость, и какое-то разочарование, словно он оказался лишним. Но и в такой ситуации он был нужен: отвозил раненого в больницу.

А прежде, когда мертвецов было видимо-невидимо вокруг (в первые дни войны) и по ним взывала яма за воротами кладбища, Алесю, по правде, и некогда было умополагать — брал физической сноровкой: стахановец. Пот катил ручьем, мозоли не заживали, кровь коростой покрывала робу.

Водопровод не работал; все шли с ведрами к реке. Вечером, невзирая на россыпь слепую скачущих по глади водной осколков и пуль, Алесь входил в Днестр, не снимая спецовки, чтобы наутро быть во всеоружии, во всеготовности. Ведь жизнью он рисковал.

Целились даже в кошек и собак — от безы-

сходности, начавшей мутить и молдавских, и приднестровских вояк. Бежит, бывало, по спорной территории четвероногое в поисках съестного — тут-то по нему и шандарахнут. Для сатанинской будет явленности! Для утверждения себя!..

...Когда Алесь впервые вел трактор к кладбищу, он сбавил ход у приднестровского поста. Казачки высыпали поглазеть: не было еще никаких указаний, признавать или не признавать самодеятельность Алеся.

— Так, брателло, повертай! — распорядился чубатый есаул. — Зачем нам жертвы? Через двести метров «румыны». Они и тебя уложат в кузов, а трактор и твоя голова — на перегонки по склону к нам!

Алесь усмехнулся, заглушил мотор. Он не собирался вступать в полемику, знал, что все образуется само собой. Куда как не на кладбище везти мертвых, а оно располагается на занятой территории.

Через минуту явился, слепя лампасами, некто постарше званием, с окладистой седой бородой.

— Не кипятись, есаул... — взял за плечо молодого подчиненного. — Не видишь, что ли: ладья Харона! — проявил он начитанность, поигрывая нагайкой. — А это сам Харон!

— Что за ладья? — тронул фуражку над чубом есаул, не понимая, о чем идет речь.

— Та самая ладья и тот самый Харон, что перевозит в страну мертвых, — старший отмахнул Алеся нагайкой: мол, поезжай! Добавил вслед: — Никто его там не тронет... Он мертвых везет. Вот возьмем высоту, тогда и Харону будет попроще.

На враждебной позиции действительно никто к Алеся не подошел. Видимо, изучили с высоты в бинокли, что за груз он везет в тракторном кузове. Алесь по большому счету был всем выгоден, потому что собирал в свою «ладью» всех, без национальных различий...

А прозвище Харон, как ни странно, приклеилось к Алеся по обе стороны фронта. Алесь был единственным из живых, кто пересекал по несколько раз в день линию огня —

он стал настоящим проводником в Царство Мертвых с назначением конечным в пункте Души Единой Мировой.

Однажды казаки решили задействовать Алеся в операции. Казаки — они казаки и есть: им бы только удаль свою проявить да по задумкам оказаться впереди воинства! Придумали они «Харону» якобы иную миссию... Алесь должен был подъехать со своим грузом к вражьему блокпосту, на котором был установлен крупнокалиберный пулемет. Ему велели выйти из кабины трактора будто бы по нужде или чтобы справиться у «румын» о солярке, что некстати иссякла, и в этот момент, укрываясь за стеной полуразрушенной постройки, активизировать радиовзрыватель.

После большого взрыва подтянутся казаки на лошадях — и высота будет взята! Все просто: обычные проводы мертвецов, которых необходимо доставить до места.

Алесь только усмехнулся, выслушав их план, головой кивнул.

Ночью приспособили трактор для последнего выхода в мир грешный, для последней работы, которая должна послужить в самоотверженном деле борьбы с врагами.

В назначенный час трактор Алеся миновал казачий пост, в кузове под дерюгой лежал труп мнимый, на самом деле — взрывчатка. Впереди — пост вражеский, цель операции.

Алесь испытывал вдохновение. Трактор, казалось, сегодня тарыхтел громче: чернь гремела из раструба текстурой, норовя обернуть день ясный в пелена громогласно-копотные. «Похоронные ленты» стелились за «ладьей». Военные вышли из укрытия навстречу приближающемуся на аккорде «Харону». Наконец мотор заглох, трактор остановился.

За время поездок Алесь запомнил загорелые лица каждого волонтера, приписанного к этому посту; видел их и по отдельности, и с командиром, когда тот строил их, ругая или давая указания. Алесь знал, как незрячий на ощупь — родных: выбрит ли подбо-

родок, вздернуты или подковкой усы... И по жестам, стати, безусловно различал мастер «Спецзеленстроая» каждый «крупномер» на участке вверенном.

Рослые, как на подбор, парни: остриженный коротко Петрике, Ион с шаровидной кроной — головой, Григоре с колючим взглядом из-под густых бровей, лысоватый Тудор... И вот теперь он будет все это ветвящееся в совместной притирке пород великолепие, все выдающиеся экземпляры рода человеческого корчевать...

— Что-то у тебя мотор сегодня разорался?

— Газуешь сильно!

— Летчиком себя почувствовал? — смеясь, тараторили по-молдавски окружившие трактор вояки.

Алесь отмалчивался.

— Сорвешь агрегат...

— Форсунки и стабилизаторы...

— А у нас перепонки сорвутся...

Трактор Алесь остановил прямо у блиндажа, из бойницы которого выдвигалось черное жерло пулемета.

Алесь делал вид, что с трактором у него нелады. Думал: как и *по ту сторону* сохранить им лицо, выправить штаб! Эти выбритые по приказу командира (чтобы дух уныния не проникал в ряды) лики с подковками и щетками усов!.. Он подждал командира, оставшегося, вероятно, в блиндаже. Но вот и он, Чубэр, подтянутый, в тельняшке, вышел из бетонного укрытия. По усатому лицу его пробежала тень. Спросил сухо:

— Петрике, Ион, что случилось? Какого черта ему тут надо?! Давай... убирайся! — заговорил он с Алесем по-русски. Но сменил сумрачность на любопытство: — Сколько ве-зешь? Из «наших» кто есть?

Алесь ответил:

— Везу достаточно. Шестерых!

— Шестерых? — удивился офицер. — А наших сколько?

— Пятеро ваших, — Алесь вытащил из-за пазухи дистанционное управление. — Пятеро! А всего будет шесть...

Никто не успел опомниться. Только в последний смертный миг в их глазах блеснул страх неистовый... Блиндаж был разрушен, огневая точка подавлена.

Мог ли Алесь выжить, если бы спрятался, как ему велели казаки, за стеной в десятке метров от дота? Возможно. Но он даже не вылез из своего трактора, собрал постовых вокруг него, чтоб уж наверняка и едино: прочь от грешной земли в Царство Духа-Воли Мировой.

С диким порывом ветра, с гиканьем и цоканьем копыт ворвались казаки на разрушенный взрывом пост. Алесь — казаки это в бинокли видели — повторил подвиг времен Великой Отечественной.

Наверное, Алесь, который в жизни был угрюм, летел теперь над миром и улыбался, — улыбался поверх всего, что происходило и будет происходить внизу: ликованию казаков, пришествию в город миротворцев, мирному строительству, возведению памятника ему — «Харону» — «от лица благодарных горожан», празднованию десятилетия республики, а потом ее двадцатилетия... и тридцатилетия...

Посмертно Алесь был награжден президентом ПМР — Приднестровской Молдавской Республики, а молдавские военные — Петрике, Ион, Григоре, Тудор и командир Чубэр — верховными начальниками Молдовы.

Отпевали их всех в местных церквах по православному обряду. В цинковых гробах.

МУЗЫКА СФЕР

Рассказ

Убили-таки его, не могли не убить этого юродивого, который не боялся пуль. Стал как все — с другими в ряд для опознания у фырчащих муторно солярой рефрижераторов. Многие из тех, кто чурались дурака при жизни, хихикая сумрачно его беловоронью, раз не опу-скались до чудачеств с микрофоном бутафорским в руке, теперь теснились вплотную, роняя

закоченевшую пятерню с рабоче-крестьянской татуировкой (или с жовиальной — матросской) на его плечо, склоняя и заиндевелую голову на такую же чугунную (пока не оттаяла) грудь певца, протравленную дочерна выбоинами пуль. Потом служивые в респираторах расправляли сцепки, орудуя ломом, дабы не возникало помех при огляде, — ежедневная разморозка по окончании войны наносила урон гораздо больший телам, чем если бы их сразу поместили, скажем, невзирая на «исповедание» политическое, не в фургоны по перевозке рыбы, а в подходящее хранилище, Одесское или Кишиневское, — в те от метрополии центры, где и пестовались планы конфликта. Туда направляли бы и взмысленных поиском родственников безутешных. Но как всегда — головотяпство в детальной проработке; на стадию же «огневые действия» деньги нашлись.

Звали его все Олег Газманов, хотя это был творческий псевдоним. Настоящего имени и фамилии его никто не ведал — городская знаменитость, певец на площадях и базарах, звезда без паспорта и прописки. Были в курсе, что он из отдаленного молдавского села прибывает поутру на дизель-поезде в Бендеры; поет, пляшет на базаре, в винных погребах и двориках, а ввечеру обратно — с торбой гостинцев, ну, и с деньгой какой-никакой.

...Жителям Бендер тот солнечный день памятен.

Центральный рынок. Глаза разбегаются от даров природы, полонивших прилавки, лотки, тротуар: черешня, клубника, смородина, малина, огурцы, помидоры, кабачки, капуста; и тут же — вино сухое и крепленое в разнокалиберных графинах — «претворенное солнце Молдавии»...

У одного из лотков Олег наяривает в микрофон с обрывком шнура под собственный аккомпанемент, то и дело прерывающий песенный строй: цоканье языком и резкие гортанные звуки изображают перкуссию, звон оркестровых тарелок и барабаны. На груди у него табличка (выведено коряво карандашом): «Песня — 1 рубль». Репертуар самый

популярный: Пугачева, Киркоров и, конечно, любимый Газманов...

Он был доволен и своим псевдонимом, и своей работой. Всегда хохотал, когда ему заказывали песню. Воспроизводил шлягеры, не попадая иногда в тональность, словно пьяный или ребенок. В глазах обывателя, пожалуй, так оно и было: впавший в детство или так и не вышедший из него тридцатилетний обалдуй, хлебнувший «претворенного солнца».

Но опытный психиатр потер бы руки: дескать, «нашего полку прибыло» — это был сумасшедший, играющий сумасшествие. В том, что Олег выступал не бесплатно, была какая-то загадка, обраставшая домыслами и легендами... Трудно было сказать, псих ли он, выбравший имя известного певца по соображениям коммерческим, или ярко выраженный чудик?

Все уж к нему привыкли: торговцы, покупатели, работники администрации. И он на отсутствие клиентов не жаловался. Иногда, правда, получал подзатыльники от пьяных, а иной раз они пускались с ним в пляс. Менты его не трогали.

Петь он начинал задаром, чтобы разогреть себя и публику. Начнет, бывало, с Пугачихи, а закончит ее тогдашним мужем... Но коронный номер был «Эскадрон моих мыслей шальных» — очень уж яростно он его выдавал, и публика принимала «на ура», он ее прямо-таки повергал в шок.

Люди вменяемые походя кидали ему рубль-другой: деньги небольшие — инфляция съедала ценность валюты. Олег постепенно входил в раж: хохотал, пел, опять хохотал, цокал и фырчал, изображая ударные инструменты, зная, что доставляет зрителям особый кайф придурковатостью исполнения. И всегда подле него образовывался круг зевак — молодых и старых, людей веселых и не очень, которые тем не менее смеялись и аплодировали.

Некоторые шутники пробовали его напоить по-настоящему, но Олег принципиаль-

но избегал спиртного: что-то срабатывало в его мозгу, какой-то, видать, инстинкт самосохранения. Напрасно люди думали, что он каждый день навеселе: он был просто весел каждый день!

Недолюбливал Олег военных, без разницы — молдавских ли, приднестровских ли, или казаков, слоняющихся без дела на базарной площади Бендер, однако деньги от них брал. Бросалось в глаза, что ведет он себя в их присутствии скованно — это сказывалось на выборе репертуара и в отношении того, чтобы повисить таксу; так бывало и с другими: мясники-кабанницы, например, одаривали его и покрупнее рубля, а также колбасники и птичники.

Даже пропев пять песен кряду и получив за это от одного казачьего чина всего трешку, Олег не обижался: он отходил в сторону, к продавцам картошки, только чтоб оказаться подальше от этих усатых-чубатых с сыромятными плетками в руках, в начищенных до блеска сапогах со шпорами.

— Зря ты ему трешку дал, хватило бы и рубля, — говорил один казак другому, опорожнив стакан с «крепльком» и отирая пот со лба.

— Чего жалеть, — отвечал его напарник, постукивая перегнутой в кулаке нагайкой о настил винного лотка. — Пусть дурак поет... Кто чем может, тем и зарабатывает. Один воюет, другой песни орет. Давай, что ли, еще по стакашке — да на круг пора...

Через несколько часов оба эти есаула погibli, отстаивая городской исполком от армады «молдавских конституционных войск». Они подбили из гранатомета бронетранспортер, а сами сложили головы на алтарь «народной свободы», которую приехали защищать в Приднестровье. Но до своего смертного часа они еще не раз отведают доброго вина, привезенного крестьянами в город на Днестре из молдавских сел. Ни о какой политике, кроме винодельческой, крестьянин-труженик и не помышлял. И чего делят люди, чего хотят — ему и понять порой непосильно.

...Уже третий год Олег забавлял горожан исполнением песен, причем манера его исполнения уже была доведена до некоего подкупающего абсурда вкраплением гортанных и цокающих звуков. В какой-то степени он предвосхитил караоке, но сделал это в предельно самобытной форме. Со стороны казалось, что он впадал в детство: так зачастую выступают дети, взгромоздившись на табурет. А он так жил и жил этим.

Ездил Олег и в Кишинев, но тамошняя публика его не приветила — уж больно была респектабельна. Объявлялся он и в Тирасполе, но там его отшили конкуренты. А вот бендерчане полюбили; его и впрямь ждали, как знаменитость, как живую достопримечательность базара.

Он появлялся на торжище, оглядывая пространство нездешним взглядом, начинал петь, и базарная карусель от этого как бы пуше разгонялась: продавцы бойчее словили свой товар, покупатели становились сговорчивее и скорее приобретали его.

Молодые торговки и торговки постарше дружелюбно улыбались, завидев певца, благоволящего женщинам. Олег помнил поименно каждую и порой вгонял в краску, спрашивая:

— А слабо тебе, Валентина, выйти за меня? День и ночь стану тебя песнями убаживать! — И торговки, расплываясь в улыбке, одаривали его горстями мелочи.

Представители власти не трогали любимца публики, даже сами платили ему украдкой. Молдавский полицейский и приднестровский милиционер могли сойтись, чтобы вместе потешаться над придурком. А через несколько часов они же могли лупануть друг друга в ближнем бою из автоматов. Так и случилось 19 июня 1992 года.

В этот день Олег пел особенно... Музыкальный знаток, наверное, признал бы нынче обретение им и слуха, и голоса. Но обывателя волновало не качество вокала, а забываемая манера исполнителя: яркие жесты и стремление подражать звездам эстрады.

— Давай, Газманов... что-нибудь из Киророва! Гони! — выкрикивала молодежь.

— Пускай из «Бони М» споет! По-английски! — куражились некоторые, не думая о том, как может быть близок страшный час. Хотя все знали, что молдавские войска рядом с городом и в любую минуту могут получить приказ атаковать.

Даже председатель исполкома в голубом галстуке заскочил в это утро на базар за петрушкой, взглянул на Газманова, улыбнулся экономно, вперяясь в часы. Председатель собирался в отпуск, да и не мог он предотвратить неотвратимое. Намереваясь покинуть Бендеры, он не знал, однако, что его не выпустят за пределы города казаки, не дадут удрать в Тирасполь, вернут в рабочий кабинет и заставят взять на себя ответственность за судьбу города.

И ему, председателю, спел Газманов и, как старому знакомцу, раскланялся. Всадил ему куплет из Леонтьева про светофор, который почему-то был вечно-зеленым. Председатель также не придавал значения шикарному сегодня диапазону голосовому Олега.

В тот день еще один городской голова был на базаре — иерарх церкви, отец Игорь, он пожаловал в именованном настроении — нынче у него был день его ангела-хранителя.

Священник шел по базару и остановился перед Олегом. Тут как тут старушонка в платочке подбежала:

— Благослови, отец святой!

Отец Игорь осеняет крестным знаменем старушку, руку подает, распаренную от лобызаний. Отрывает старушеница губы-ниточки от ручищи поповой, заряжает рублик в кулак, словно в свиною-копилку... И тут же перед ним склоняется молодая мать с младенцем:

— Пожалей, Господи, и наши души!

И торговка с прилавка подскочила, туесок клубники священнику в дар поднесла. Хромой Семен, точильщик, в людскую теснину вошел и тоже получил благословение. И все это время Олег пел, заливался соловьем, вы-

тягивая романс из репертуара Александра Малинина. В церковь он не ходил, сам себе человек божий.

Но вот пред ясны очи отца Игоря явились двое, сняв форменные фуражки: приднестровский гвардеец и молдавский военный волонтер. Оба молодые, настырные — подступили, как бы справляясь у священника, кто из них более богоугоден? Вероятно, и им захотелось получить благословение на ратный подвиг. Поклонились, замерли.

Олег оборвал куплет из певца Малинина, замерло все вокруг... И благословил священник и того, и другого — и оба, гвардеец и волонтер, отметили его руку поцелуем. А Олег продолжил куплет, но не заунывно, как Малинин, а строго-выспренне, как Есенин Сергей: «Стыдно мне, что я в Бога верил, горько мне, что не верю теперь...» И опять никто не заметил *мотивов* в порыве песенном.

Поднесли отцу Игорю стакан вина, он испил его, стало на сердце веселее, пошагал благодушно к своему подворью.

Но скоро настроение изменилось. Первый же орудийный хлопок показал всю зыбкость и убогость текущего бытия. Отец Игорь оказался перед неразрешимым противоречием: ведь он благословлял двух православных — гвардейца и волонтера, а они всего лишь через несколько часов затеяли бойню. После войны пробовал отец Игорь вновь взять под свое духовное покровительство и оставшихся в живых гвардейцев, и выживших волонтеров. Но и сам бы не мог ответить на вопрос: возможно ли такое покровительство?

А те двое с базара — гвардеец и волонтер, — хоть и изранены были в сражениях, но остались живы. Через пару лет даже оказались в одной больнице после автомобильной аварии — опять никто не хотел уступить другому дорогу. Лежали в одной палате, вспоминали святого отца, а также друзей — милиционеров и полицейских, которые были убиты.

И она, редкая птаха, которую прозвали в народе Гражданка Война, оказалась в тот день на базаре. Как всегда, в камуфляже, с

наглаженными до остроты лезвий стрелками брюк и в начищенных до блеска покойничьих черевичках. Лунолика, чернوبرова, черноглаза, с калачом черной косы — в звании майора.

Открыто чувств к поющему Олегу она не проявляла, но всегда с ухмылкой внимала его песням. Денег не давала, дабы не вызвать кривотолков, но платила эмоциями — в заворуженной мечтательности замирала под «зонги» певца. Нравился ли ей Олег? Вряд ли. Эта женщина самоутверждалась среди воинственных мужей, но умереть зерном, дабы прорасти в сердце *единственного*, так и не сумела. В Олеге она, скорее всего, видела избалованного ребенка.

Она была редактором «Боевого листка», распространяемого в среде гвардейцев и казачества, а также на производствах, и поражала своим воинственным настроением бывалых офицеров; но вот на семейном фронте явно терпела фиаско: была одинока и бездетна.

Она глядела на Олега. Он глядел на нее, выделяя в толпе, — пел «от сердца к сердцу»... Предчувствовал в ней — о чем и себе не смел признаться. В отличие от других в форме военной, к ней благоволил, перед ней старался, пресмешной уродец большеголовый.

Дальнейшая судьба Гражданки Война такова: она стала полковником, железной поступью поднявшись по служебной лестнице до такого чина. И «Боевой листок» ее возрос и стал многостраничным изданием. Ну, а сегодня кровавые события в городе начнутся с ее подачи. Будет фигурировать ее имя в сводках агентств информационных: о появлении на карте мира горячей точки. Выберут начальнички штабов и служб секретных в качестве предлога Гражданку Войну. Подставят ли, посвятят в план — не суть важно. Факт в том, что уже скоро, вот-вот гвардейцы из группы сопровождения откроют по полицейским, которые окажутся у здания типографии с целью арестовать тираж газетенки ее, огонь на поражение.

Но это будет чуть позже, а сейчас Война смотрит на Олега, и в ее глазах — слезы. Она их не утирает: скоро все и вся здесь утонет в слезах. Олег же проникновенно дарит ей «Миллион алых роз»...

В тот злополучный день среди толпы слушателей оказались двое интеллигентов: один — местный поэт Влад Саныч, другой — йог Хребтищев.

Олег расплясался и распелся не на шутку. Толпа рукоплескала и сама была готова пуститься в пляс, но сдерживала себя: еще не вечер, а середь бела дня как-то неловко.

— Для меня он — загадка! — улыбался Хребтищев.

— Ничего особенного, — отвечал поэт Влад Саныч. — Шут — он и в Африке шут!

— Он дарит отдохновение, дарит радость, — возражал йог. — Вот ты — поэт. Сходил искупался на Днестр, потом выпил вина — напился энергией. И обязан выдать нечто высокое, вдохновенное, чтобы на Земле и во Вселенной стало еще краше, еще веселей.

— М-да-а... — отвечал поэт. — А в России все ивы плакучие... Да и счастье — несчастье без слез!.. Я, пожалуй, лучше еще стакан вина выпью. И никому и ничего не буду должен.

— Это мудро. В таком решении — соль народа, — усмехнулся Хребтищев.

— А ну, Газманов, иди сюда! — загорелся поэт. — А ну, получай рубль, даже два! Спой нам «Старинные часы»!

— В этом Газманове, — с достоинством подчеркивал йог, когда Олег запустил «старинные часы», — некий символ, душа народа. Горе дуракам-политикам, которые этого не понимают и задумали расчленивать народ...

Оба этих мудрствующих интеллигента оказались счастливее многих бендерчан, оставшихся в тот день лежать ничком или навзничь в подтеках крови... Пуля их пощадила. Оба отделались только контузией и царапинами. Но пока они с моральным превосходством над толпой и снисхождением смотрели на Олега: в скачущих друг за другом бесах и ангелах в его глазах считывали

подноготную затевающихся на этом пяточке многострадальном событий. А то, что с солистом происходили иные метаморфозы — с его вокалом в первую очередь, — собеседники, в силу погруженности в аллюзии метафизические, не заметили. Легенда пошла в народ не с их подачи...

...Стреляли напрапалую, по-крупному. В город входила колонна военной техники. Инсталлируя ужас появления врага, старались и его расчеты минометные. По главной городской магистрали, к которой прилегал рынок, как нож в масло, невозбранно, неуклонно вползала с грохотом окаянными махина, ощеренная жерлами черночугунно, расстреливая всё движимое вокруг, — всё, что рефлексирует о Конце, кричит, машет рукой в стремлении прекратить произвол, — всё, что с сердцебиением неистовым мяукает-лает, бьется крылом из-под гусениц и колес, — всё, что забилося в расщелины, нырнуло в водоемы, упряталось в пожухлой от жары жареной траве, — и наконец всё недвижимое... Семнадцать тридцать по-местному — час «икс».

Рынок к тому часу уже заметно опустел. Услышав вблизи пулеметные очереди и хлопки мин, люди засуетились, растеклись с площади, забрались в щели... Были уже научены: здание полиции, находящееся в пятнадцати минутах ходьбы от базара, обстреливалось приднестровской гвардией не раз. Ныне же не пистолеты и автоматы доказывали суверенитет и целостность республики, а танки и бронетранспортеры. С визгом неслись мины, трещали очереди пулеметов и автоматов.

Так началась приднестровская мясорубка.

Но базарный певец Олег Газманов продолжал петь! Хотя всех его почитателей словно ветром сдуло!

— Боже ж мой! — кричали торговки, укрываясь за прилавками, за мешками с мукой, сахаром и картошкой.

Пули дзинькали отчаянно, все ближе и ближе, били о металлическую трубу каркаса,

вспарывали кули, вспенивали столбы мучной и сахарной пыли. И вдруг все это белое орошалось красным, и тогда движение между мешками и прилавками замирало...

Но Олег все пел, взгромоздившись на бочку, как на сцену.

— Куда бежать-то?! Где прятаться? — кричали пробегающие мимо него люди, спотыкаясь о лотки с раздавленной клубникой и черешней.

— Сюда! Сюда-а!

— Да помогите же ему! Видите, кровью истекает!

— Этому уже не помочь! Убитый он!

— Вон еще один!

— У-у, сволочи!!!

Убитых и раненых было все больше. В основном пожилые люди, не успевшие сообразить на посвист-шипение прошивающих воздух пуль, — со слухом проблема. Хотя какое там уклонение стрелы жалящей — старики есть старики: ищут, где смерть, не желают бежать, как страстная и пугливая молодежь, приснувшая в расщелины... Улыбка в их лике посмертном; в их пальцах, упускающих авоську — не судорога, а отпущение: и сил своих, и судьбы...

Но Олег пел. Даже когда от взрыва рухнул навес, Олег пел, не замечая ни грохота, ни пыли.

— Уходи-и! Артист чертов! — кричали ему пробегающие мимо гвардейцы.

— Слезай с бочки!

— Беги в укрытие, дурак!

Но он, будто заколдованный, пел. Пел среди пуль. Одного спасателя, желающего вытолкнуть его из-под обстрела, пронзила очередь огневая (срезанная рука выдавала в воздухе крендель, будто кегля жонглерская, подкинутаая другой рукой), товарищи боевые не могли приблизиться, чтобы оттащить тело... Стрельба...

Олег пел, не реагируя: на ползущую мать с дитятей мертвым, на лошадь, конвульсирующую с расщепами костяшек вместо копыт, на упавшего к «подиуму» воина, платившего

не раз этой скошенной ныне рукой, в обыденности заскорузлой, рубликом рваным, а теперь вот и своей жизнью заплатившего...

Легенда, которая родилась в умах переживших войну бендерчан, и теперь передается послевоенному поколению, утверждает, что Олег Газманов, настоящую фамилию которого так никто и не выведал, во время обстрела, находясь на пересечении пулеметных очередей, пел, взирая на небо и отбросив микрофон. Но не шлягеры эстрадные, не попсу и тем более не шансон. Пел он редчайшей разновидностью тенора, преисполненной нежности и чистоты, арии из мировой оперной классики.

Никаких характерных прищелкиваний языком и гортанных звуков, изображающих ударные инструменты и прерывающих свободное течение вокала. И посвящал он свое вдохновение небу. Он посвящал его жертвам — тем, кому еще суждено было погибнуть в этой некогда мирной, единой, безмятежной стране.

Отброшенные назад волосы, напряженные черты лица... В голосе — жажда света и прозрения. И пафос скорби. То и есть «музыка сфер»...

При исполнении оперы Генделя, как утверждает молва, — и у молвы есть свои музыкальные специалисты! — на словах «Мое сердце обливается кровью!» жизнь Олега оборвалась.

А еще молва утверждает, что Олег Газманов вовсе не был дураком, зарабатывающим на рыночных площадях Молдавии. Музыкальные критики утверждают, что он в свое время окончил консерваторию по классу вокала, учился у самой Марии Биешу, всемирно известной Чио-Чио-Сан. Но театральная судьба и знаменитые подмостки оказались не его стихией — не дались! Вот он и бродил по городам и селам...

За телом Олега Газманова так никто и не приехал, хотя к нему на родину и отправили весточку. Может, у него и не было ни родных, ни близких...

Андрей Борисович БЕЛОЗЁРОВ

родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР.

Окончил ВЛК при Литинституте им. А.М. Горького.

Прозаик. Автор книги прозы о войне 1992 года в ПМР «Третья сила» (2020). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Кодры. Молдова литературная»,

«Роман-газета», «День и ночь»

и др. В журнале «Север» публикуется впервые.

Лауреат Международной литературной премии

им. Марка Алданова (2016, 2023).

